

Моя близкая подруга в день рождения внучки, да под Рождество, решила подарить ей поход в театр. Праздничные, в радостном предвкушении, они пришли в оперный, и – та-да-да-дам! – бабушку в театр не пустили. Эмоции можете представить и сами, но если у вас возник вопрос, о чем она думала, что ли не знала, – не читайте дальше. Это

Для тех, кому за... или «Что он Гекубе, что ему Гекуба, чтоб так о ней рыдать?»

Светлана ЖДАНОВА*

Какой подарок судьбы в условиях жестких ограничений может быть более рождественским, чем оказаться за границей, да там, где никогда не была, но мечтала, да на истинно эксклюзивном концерте великого Григория Соколова!

Роль судьбы сыграла дочь, которую всё из-за тех же ограничений я не видела год. Но ежегодная традиция – декабрьский концерт Маэстро в подарок ко дню моего рождения – была ею соблюдена с присущим организационным мастерством, творческим азартом и потрясающим умением дружить.

Вернувшись домой в эйфории от этих невероятных событий, я на предложение редактора написать о концерте, как всегда, малодушно согласилась и, не вняв его просьбе – писать сразу, забудется, – погрузилась в текущую жизнь. А текущая жизнь подбрасывала всё новые свидетельства разрастания объемов разрушений прежней жизни, что вызывало подозрения в том, что человечество незаметно миновало точку бифуркации и двинулось по пути деградации. Информационные ленты морочат статистикой, грозят последствиями, предрекают вечный ужас и раскрывают заговоры, европейские политики в каком-то паническом угаре ужесточают ограничения, рушится бизнес, да и вся устоявшаяся жизнь: люди теряют работу, жилье, средства к существованию...

В такие времена спасение искусством – веками проверенный путь! И год мы жили в ожидании, что вот-вот состоятся перенесенные концерты, но их снова переносят, и надежда тает, и отмены – всё чаще. Промоутеры к уже понесенным финансовым убыткам прошлого сезона теряют последние надежды на хоть какое-то восстановление концертной деятельности в сезоне нынешнем из-за неясности политических решений и отсутствия хоть какой-то возможности планирования.

Без работы остаются сотни людей, потративших половину своей жизни, чтобы стать профессионалами. И дело не только в отсутствии зарплат и гонораров. Артисту необходима публика. Без нее выхолщивается акт творчества. А публике жизненно необходим позитивный информационный фон.

В России картина, быть может, не так безрадостна, но столь же глубоко бесперспективна. Государственные бюджетные организации как-то поддерживают на плаву отрасль в целом, но, как всегда, за средней температурой по больнице остаются незамеченными личные катастрофы оставшихся без концертов и публики солистов, закрытие частных театров, исчезновения коллективов... Лишь несколько филармоний в стране в этих условиях пытаются сохранить гастрольную деятельность и достойный концертный уровень – в основном за счет модных имен и федерального подчинения оркестров. Хотя 25-процентное заполнение зала больших театров (в отличие от театров менее престижных, а еще и провинциальных) делает не такую уж, как говорят, плохую кассу.

Происходящие глобальные перемены, жесткие социальные ограничения рождают и формируют устойчивый стресс – и вот уже социологи и психологи говорят о растущих социально-стрессовых расстройствах. И знаете, что

является главным разрушителем психологической устойчивости человека? Невозможность оставаться в эмоциональном контакте. Эмоциональный контакт – то, чего лишают нас разные формы изоляции, запретов и ограничений. Эмоциональный контакт, совместное переживание – это ровно то, что происходит с нами среди людей в театральных и концертных залах, то, что укрепляет в нас ощущение собранности, эмпатию и,

Григорий Соколов

как следствие, дает нам психологическую устойчивость и иммунитет в самом широком смысле.

К сожалению, эмоциональный контакт недостижим в онлайн, которым, как решением проблемы, так увлечены разнообразные организаторы нашей жизни. Понять можно: хоть какой-то выход! Спектакли, концерты со ставшей уже привычной формулировкой «запись по трансляции в пустом зале» – большая радость для человека в условиях изоляции, но это не может заменить живого присутствия в концертном или театральном зале, музее, галерее. Это не спасение.

Более того, это вместе с радостью добавляет тоску по живому. К музыке, к культуре нельзя относиться как к развлечению, особенно (!) в настоящих испытаниях для всего человечества. Примерно с такими словами маэстро Риккардо Мути обратился к политикам во время новогоднего концерта Венского филармонического оркестра в пустом зале Musikverein. Традиционное приветственное обращение дирижера к публике во время исполнения завершающего концерт (перед бисированием) вальса «На прекрасном голубом Дунае», как говорят, в этот раз не было запланировано по причине отсутствия публики.

Но маэстро Мути сказал. Сказал, что музыка – это дыхание и жизнь, это код человечности, гуманизма, спасения. И нельзя людей лишать этого. Концерт, с надеждой и верой открывающий новый год, – послание музыкантов миру. И какой помехой вторглось провидение в это волнующее послание, каким намеком! Течение музыки роковым образом изменилось: звук поплыл, распадаясь и сбиваясь, словно микрофоны взяли власть и, опережая друг друга, стали передавать рассогласованное звучание оркестровых групп, выйдя из подчинения звукоинженера и уже вовсе не беря во внимание дирижера.

Диссонанс этот длился мгновения, но и их оказалось достаточно, чтоб перед тем, как всё же сообщить про возможность технических неполадок в прямой трансляции, я успела подумать и о бунте машин, и о хрупкости искусства.

И представить, что вот сейчас музыканты отстают («забьют» на) радостных Штраусов и сыграют Гайдна, и уйдут поодиночке, забрав с собой инструменты, погасят свечи, и последним покинет сцену дирижер. И покроется рябью, потемнеет и умрет телеэкран. Вот тогда бы все политики в мире поняли, что они совершают большую ошибку, возможно, с катастрофическими для цивилизации последствиями, считая музыкально-

...

Концерт Григория Соколова в Женеве, в европейском центре ООН, состоялся в годовщину принятия Всеобщей декларации прав человека. С 2014 года фонд ONUART ежегодно проводит концерты в честь Прав человека в уникальном зале, реконструкция которого стала одним из первых масштабных проектов этой международной некоммерческой организации, созданной в Испании, с государственно-частным финансированием. Цель фонда – продвигать присутствие искусства в ООН и других многосторонних форумах, продвигать гуманитарные принципы, которые вдохновляют развитие прав человека.

Ежегодно концерт проходит в зале, который после реконструкции получил название Зал Прав Человека и Альянса Цивилизаций: столь торжественное и масштабное впечатление он произвел в момент открытия и так волнующе действует на всех, кто ступает под его своды. Купол, исполненный испанским художником-неоэкспрессионистом Мигелем Барселло, – фантастическое мироздание из сталактитов всех возможных красок и оттенков. Этот шедевр – отдельный космос пластики живописи и света, что осложняло съемочной группе и без того непростую задачу: Маэстро всегда играет в особом художественном световом пятне (для телекамер это просто отсутствие света), но всё получилось.

Два дня репетиций. Я не могла поверить, что вижу и слышу работу музыканта, пытаюсь проникнуть в кухню выстраивания отношений с инструментом, разговоры с настройщиком, понять, на чем именно сосредоточен Маэстро.

Концерт в честь Прав человека предварил четыре высокопоставленных спикера (среди них Татьяна Валова – генеральный директор женевского офиса ООН, президент фонда ONUART Хуан Антонио Марч); они, плюс важный гость – Хосе Луис Родригес Сапато, премьер испанского правительства в 2004–2011 годах, один из основателей фонда ONUART, и его супруга Сонsoles Эспиноза, и стали концертной публикой, разместившись на солидной дистанции друг от друга.

О чем говорили на мероприятии столь высокого уровня? Естественно, о достижениях и проблемах в реализации прав человека в нашем лучшем из миров, о подтверждении приверженности правам человека и необходимости укрепления международной системы соответствующих институтов. И о музыке как инструменте для развития межкультурного диалога и взаимопонимания.

Тогда меня удивило, что пять человек на весьма удаленном расстоянии друг от друга весь концерт просидели в масках. (Теперь, после отъездов на венскую трансляцию, я понимаю, почему.) В масках и мы – не проявленные в публичных отчетах гости, человек сорок, так же, как и я, попавших на это светское мероприятие (black tie!) по невероятному везению, торопливо делающих селфи на фоне купола, а потом замерших на дальних, не попадающих в объектив камер рядах. И не сразу осознающие глубину и уникальность счастья своего.

Осознание будет приходить с мощными волнами потрясения. «Четыре fugи» Роберта Шумана, следом – Бунте Блаттер, затем – четыре Полонеза Шопена с «Героическим» в финале.

Невероятная драматургия! Это был акт приобщения к чему-то значительно более важному, чем совершенство игры на рояле. Потрясающее, мощное высказывание Художника, если угодно, вызов, обращение, послание о спасении. Вечность и Спасение – вот о чем я думала, быть может, под влиянием этого чудовищного жизненного контекста, когда на кону – свобода, возможность творить, уходящее безвозвратно время твоей жизни и возможность продлить время жизни в вечной, всегда и всё побеждающей музыке.

В огромном зале наши аплодисменты растворились в просторстве, но мы стояли, изо всех сил пытались передать музыканту нашу благодарность. И он, молодой уже человек, после полурасовой – без перерыва – игры для пяти видимых камерами и сорока невидимых слушателей щедро сыграл еще – Интермеццо Брамса и Мазурку Шопена.

Что дает ему такую жизненную силу, такую мощь в высказывании? Не помню, кто из музыкальных критиков высказал суждение, как бывает, словно мною сформулированное: есть и сегодня выдающиеся музыканты, которые задают вопрос Богу, но только Соколову Бог отвечает.

Для меня невероятное, ни с чем не сравнимое счастье хотя бы раз в год быть свидетелем этого диалога.

...

Маэстро играет более 70 концертов в год, у него своя, только ему присущая система работы с концертным репертуаром. Он, кажется, единственный в мире пианист, концерты которого промоутеры планируют на 3–4 года вперед, не спрашивая программы: для публики достаточно имени. И хоть прошедший сезон принес по известным причинам немало отмен, встречи с публикой всё же были.

Теперь закрыты границы. Пошатнулись (временно?) устои свободы и прав. Сколько у каждого из нас времени на то, чтоб дожидаться конца этого разрушающего гуманитарные нормы процесса? И есть ли это время? И в какой профессиональной и человеческой форме мы сумеем вернуться к норме? С какими потерями? И будем ли солидарны в человечности и гуманизме в солидарности? Не дадим закрыть этот мир свободного перемещения людей, свободного дыхания музыки, театра, искусства, живого эмоционального контакта? Или поступимся правами? Захотим ли вернуться в залы или фетиш социальной дистанции последовательно и неутомимо приведет к потере эмпатии, разрыву гуманитарных связей общества и, как следствие, полной деградации?

Когда я сдаю Редактору этот текст, я еще не знаю, какие решения российское правительство примет 15 января, откроются ли музеи, будут ли смягчены ограничения. Может, появилась перспектива, пусть она будет устойчивой и последовательной.

И, поверьте, не следует отбирать у тех, «кому за...», право пойти в театр, музей, на концерт. Большой и так не пойдет, достаточно всех напугали, а относительно здоровые пусть делают сознательный выбор – идти или нет – сами. Это у молодых вся жизнь впереди и можно подождать. У нас свой счет времени. 📧

* Член Союза журналистов России.